

Дамблдор и Диппет, конечно, были удивлены этим открытием, но Фламель покачал головой.

"Нелепо", - твердо возразил он. "Вольно или невольно, но вы не можете передавать подобные способности от одного волшебника или ведьмы к другому. Нет, есть гораздо более простое объяснение, чем это, тревожащее, но являющееся единственной непостижимой истиной относительно того, что вас беспокоит."

"Николас?" - обеспокоенно спросил Дамблдор.

Фламель глубоко вздохнул.

"Одну минуту, Алби", - пробормотал он, вопросительно глядя на Гарри. "Я могу помочь вам, молодой человек, но вы должны оказать мне значительное доверие, чтобы сделать это. Мне нужна полная честность от тебя самого, ты понимаешь?"

Задумчивость мужчины почти исчезла, и выражение его лица теперь было очень суровым. Гарри не знал, чем ему нанесли удар, но Фламель, похоже, знал, и он, конечно, не собирался отказывать единственному человеку, который когда-либо заявлял, что может ему помочь.

"Конечно", - согласился он, нервничая, но в то же время предвкушая раскрытие своего состояния.

"Почему этот человек пришел за тобой той ночью?"

Это был единственный вопрос, которого Гарри боялся. В первый раз он уклонился от ответа, но Фламель, очевидно, считал, что это важно.

С облегченным вздохом и грустной улыбкой он встретился взглядом с мужчиной, прежде чем заговорить.

"Потому что было сделано пророчество".

"Пророчество?" - спросил Николас.

Гарри ожидал, что он будет насмехаться, но, если уж на то пошло, он выглядел более встревоженным, чем на самом деле.

"Пророчество?" Диппет повторил как попугай.

Фламель шикнул на мужчину, не сводя глаз с Гарри.

"Какова природа этого пророчества?"

Эти слова преследовали его с тех пор, как он услышал их в кабинете Дамблдора, в ту самую ночь, когда он прибыл сюда. В самые тихие часы они повторялись в его голове, этот зловещий голос Сибил Трелони, подстрекавший его.

"Приближается тот, у кого есть сила победить Темного Лорда... рожденный от тех, кто трижды бросал ему вызов, рожденный, когда умирает седьмой месяц... и Темный Лорд отметит его как равного себе, но он будет обладать силой, о которой Темный Лорд не знает... и один из них должен умереть от руки другого, потому что ни один из них не может жить, пока другой выживает... тот, у кого есть сила победить Темного Лорда, родится, когда закончится седьмой месяц..."

И Дамблдор, и Диппет были ошеломлены содержимым, оба их глаза метнулись туда, где волосы Гарри скрывали его шрам.

"Это довольно зловеще", - размышлял вслух Фламель. "Он услышал это и решил, что ты был тем, о ком говорилось в пророчестве?"

Гарри кивнул.

"Чушь собачья", - отрицал Диппет. "Пророчества? Темные лорды?"

"Я бы действительно призвал тебя не относиться так пренебрежительно к магии, которую ты не понимаешь, Диппет", - предупредил Фламель. "Даже пророчествам есть свое место. Этот молодой человек оказывается жертвой одного из них, но в процессе произошло нечто гораздо более зловещее. Я полагаю, что это объясняет и то воспоминание, которое он показал мне, и то, как он стоит перед нами сейчас".

"Что вы имеете в виду?" Гарри спросил.

Фламель одарил его сочувственной улыбкой.

"Мой мальчик, я не сомневаюсь, что ты пережил это испытание из-за того, что сделала твоя мать, каким бы непреднамеренным это ни было".

"Непреднамеренный?"

Фламель кивнул.

"Это действительно старая магия, и вряд ли она что-то знала, какой бы замечательной она ни была", - ответил он. "Нет, то, что она сделала, было невольным использованием остаточной магии человека, который напал на тебя. Ее просьбы и этой магии было достаточно, чтобы привести к своего рода ритуалу, причем темному."

"Моя мать не была темной ведьмой!" - огрызнулся Гарри.

"Конечно, это не так", - утешил Фламель. "Даже из того немногого, что я видел о ней, она была любящей и заботливой матерью, которая отдала свою жизнь, чтобы ты мог жить, но я не думаю, что она хоть на секунду осознала, что сделала со своей последней просьбой сохранить тебе жизнь".

"Что ты имеешь в виду, Николас?" - спросил Дамблдор.

"Она непреднамеренно спровоцировала настоящий магический подвиг не по своей вине. В том, что произошло, виноват тот человек, который напал на тебя, но их совместные усилия спасли тебе жизнь", - сказал Фламель Гарри.

"Объединенные усилия?" - с любопытством спросил Диппет.

"Опять же, не намеренно, - повторил Фламель, - но я полагаю, что человек, который напал на вас, завершил ритуал незадолго до того, как пришел к вам домой той ночью, и ваша смерть способствовала желаемому результату", - сказал он Гарри.

"Чего, черт возьми, он пытался достичь?" - спросил Диппет.

"Бессмертие", - просто ответил Николас.

Ни Гарри, ни Диппет не поняли смысла, но Дамблдор в ужасе отшатнулся.

"Конечно, нет?" он ахнул.

Фламель утвердительно кивнул.

"Боюсь, что да, хотя результат, конечно, был не тем, чего он надеялся достичь, но он ставит нас в довольно затруднительное положение. Вопрос не в том, как его удалить, такая вещь совершенно невозможна без небрежного экспериментирования. Нет, наша задача состоит в том, чтобы смягчить это и, возможно, найти способ, которым это может быть полезно мальчику".

Дамблдор задумчиво кивнул, в то время как Гарри продолжал вопросительно смотреть на Фламеля. Теперь он становился довольно озабоченным.

"О чем ты думаешь, Николас?" - настаивал Дамблдор.

"Я считаю, что какая бы защита ни была применена матерью мальчика, пусть и непреднамеренно, она частично защищает его от этого. Это послужило цели сохранения его жизни, но привело к тому, что он использовал ту же магию, что и нападавший, чтобы подготовить свое собственное тело к извлечению. Таким образом, это результат", - объяснил он, указывая на Гарри, который наконец потерял терпение.

"Не мог бы кто-нибудь из вас просто, пожалуйста, объяснить, что, черт возьми, со мной случилось?" он огрызнулся.

"Ах, конечно", - извиняющимся тоном сказал Фламель, больше не продолжая свою касательную, поскольку он уделил Гарри все свое внимание. "Мой мальчик, нелегко сказать это, но тебя превратили в своего рода крестраж".

Гарри нахмурился и пожал плечами.

"Что это значит?"

Николас вздохнул.

"Это означает, что каким-то образом ты носишь в себе часть души человека, который напал на тебя", - прямо ответил он.

Гарри нахмурился еще сильнее.

Он не знал, что это значило, но внезапно почувствовал себя довольно плохо при мысли о том, что рядом с ним находится какая-то часть Волдеморта.

"Его душа?" он спросил. "Что вообще такое крестраж?"

Фламель сурово кивнул.

"Действительно, очень неприятная магия", - с несчастным видом ответил Дамблдор.

"Практика, редко используемая из-за процесса, необходимого для ее создания. Если кто-то готов пойти на такое, чтобы достичь того, что он считает статусом бессмертия, то он настолько же глуп, насколько и не в себе. Душа - это то, что делает нас теми, кто мы есть, и если вы начнете отбирать у себя кусочки этого, тогда вы станете чем-то гораздо меньшим, существом

по собственному желанию. Чтобы создать его, вам уже должно не хватать совести, сочувствия и заботы о других. Отрывать душу, которая уже пострадала от такой бесчеловечности, только еще больше усиливает этот негатив".

"Это все еще не объясняет, что такое крестраж", - отметил Гарри.

"Это не так", - согласился Диппет.

Фламель хмыкнул, очевидно, обдумывая, как лучше это объяснить.

"Крестраж - это не что иное, как контейнер, в котором хранится частичка души человека. Теоретически, если этот человек будет убит, он может быть воскрешен в другом теле, если, конечно, он знает, как его создать", - сообщил он им.

"Даже что-то, уже живущее со своей собственной душой?" - спросил Диппет.

"Хотя это почти неслыханно, да", - ответил Фламель. "Этот молодой человек здесь - доказательство того, что такое возможно".

"Боже мой", - прошептал Диппет, обеспокоенно глядя на Гарри. "Как ты от этого избавляешься?"

"О душе? Об этом не может быть и речи, если вы не используете магию души. Смертельное проклятие сделало бы свое дело, хотя мне бы очень не хотелось пытаться это сделать. Нет, об удалении души не может быть и речи. Единственный способ избавиться от этого - уничтожить сосуд, чего уже добился этот молодой человек. Опять же, у вас случайно оказался под рукой клык василиска. Если бы вы попробовали что-нибудь еще, кроме очень немногих других мер, ваши усилия не увенчались бы успехом".

"Ну, а что еще может их уничтожить?" Диппет нажал.

"Единственный другой известный метод - это использование Дьявольского огня, боюсь, не более желательный, чем смертельное проклятие".

"Но вы сказали, что можете ему помочь!" - указал директор.

"Я могу и сделаю это, - спокойно ответил Фламель, - но это будет не та часть души, которую я удалю. Это будет защита его матери. Это будет намного проще".

"Но что будет с частицей души, Николас?"

Фламель одобрительно кивнул в ответ на вопрос своего бывшего подопечного.

"Я не могу быть уверен. Возможно, Гарри ничего не почувствует от того, что его собственная душа поглотит чужеродный предмет, но, если он уже унаследовал от него такую способность только от частичного воздействия, в его магии может произойти больше изменений. Я ожидаю, что его собственная душа примет только те черты, которые принесут ему пользу, а остальные сделают бесполезными. Это беспрецедентно", - напомнил он трем другим сотрудникам офиса.

"Нет ли опасности, что эта частица души может завладеть им?"

Николас решительно покачал головой.

"Нет, частичная душа никогда не сможет надеяться захватить контроль над целой, какой бы

злой и неприятной она ни была".

"Все это хорошо, - раздраженно фыркнул Гарри, устав от того, что о нем говорят так, как будто его там не было, - но откуда ты все это знаешь?"

Усмешка, которой одарил его Фламель, была почти упрекающей.

"Я узнал о крестражах много веков назад. Я ведь создал Философский камень, не так ли? Не думаешь ли ты, что я потратил много лет на то, чтобы заранее изучить все другие возможности бессмертия?"

"Я полагаю, в этом есть смысл", - признал Гарри.

"Конечно, это так", - вздохнул Николас. "Я далек от того, чтобы судить кого-либо, кто стремится к той же цели, что и я, но я не мог понять, как можно создать такой презренный сосуд. Итак, вам нужна моя помощь или нет?"

"Ты уверен в этом, Николас?" - настойчиво спросил Дамблдор. "Ты сказал мне во время моей учебы, что душа - это не то, с чем когда-либо можно связываться".

"И все же, мы здесь", - спокойно ответил Фламель. "Я не отношусь к этому легкомысленно, Альбус, но мальчик не может провести свою жизнь, видя человека, который убил его родителей. Разве вы не рассматривали все возможности? Если юный Гарри здесь может видеть его глазами, что мешает этому человеку сделать то же самое?"

Дамблдор побледнел от последствий, и Гарри почувствовал отвращение от этой мысли.

Он, конечно, не хотел, чтобы ни Волдеморт, ни даже юный Том Риддл заглядывали в его разум.

"Я думаю, что было бы лучше пройти через это", - сказал он, хотя и не чувствовал себя уверенно.

"Это к лучшему", - ответил Фламель.

"Что ты должен сделать, Николас?" - с любопытством спросил Дамблдор.

"Мне понадобится день или около того, чтобы придумать подходящий ритуал", - ответил Фламель.

"Ты имеешь в виду, изобрести ритуал?" - спросил Диппет. "Разве это не опасно делать?"

"Да, - откровенно сказал Фламель, - это единственный способ. Это очень старая, очень могущественная и очень неточная магия, с которой мы здесь имеем дело."

"Тогда мы должны дать вам время сделать это", - вмешался Дамблдор, выглядя гораздо более уверенным, чем Гарри или Диппет.

Фламель кивнул.

"Я свяжусь с вами, когда все будет готово, - объяснил он, - я не ожидаю, что это займет много времени. Алби, если ты не возражаешь?"

Дамблдор усмехнулся.

"Фоукс?" он позвонил.

Появился феникс, и всего мгновение спустя алхимик исчез.

"Не волнуйся, Гарри", - утешил его Дамблдор. "Если кто-то и может это сделать, так это Николас. Он самый прилежный и превосходный волшебник."

Гарри мог только кивнуть, надеясь, что профессор трансфигурации был прав.

Николас вернулся домой с помощью Феникса и сразу же направился в библиотеку, по пути прихватив свой любимый клуб. Мальчик, которого он встретил, был настоящим чудом, его выживание после того, что он пережил, было невероятным.

Если бы престарелый алхимик сам не встретил Гарри, он бы и подумать не мог, что такой мальчик может существовать.

Быть тем, кем он был, пасть жертвой такой невероятной череды событий, было действительно неслыханно. Таким образом, лечение должно было бы быть в равной степени таким.

Николас не боялся признать, что его работа была сделана специально для него, но он был уверен, что добьется успеха.

Во-первых, ему нужно было обдумать головоломку, а для этого ему нужно было дать своему разуму время свободно блуждать, чтобы ответ мог прийти к нему сам. Поиск в его библиотеке ни к чему хорошему не приведет.

Он не нашел бы там того, что искал.

Нет, эта проблема нуждалась в уникальном решении, а не в размышлениях дюжины или около того других.

"О, нет, Николас, мы это обсуждали", - вздохнула Перенель, заметив, как он проходит мимо нее в библиотеке.

"Мы это сделали, - признал он, - но в сложившихся обстоятельствах окна мистера Эймса беспокоят меня меньше всего".

"Тот мальчик?"

Николас кивнул.

"Он поставил передо мной непростую задачу. Мне нужно время подумать."

"И вы не можете сделать этого, расстраивая соседей?"

Николас ухмыльнулся.

"Возможно, но зачем отказывать себе в удовольствии расстроить Эймса, пока я занимаюсь своей работой?"

Перенель больше ничего не сказала по этому поводу, но бросила на мужа многострадальный взгляд.

Она была хорошей женщиной, которая терпела его капризы и странные настроения. Любой другой отказался бы от их брака меньше чем за одну жизнь, до сих пор ей удавалось несколько раз, и хотя она часто отчитывала его за его поведение, она была так же удивлена, как и раздражена.

Он был блестящим человеком, как он мог не быть со всем, чего он достиг, но Николас все еще был именно таким: мужчиной.

У него, как и у любого другого, были свои хорошие и плохие дни, и, как оказалось, проблемы с соседями.

Насвистывая свою последнюю любимую мелодию, он добрался до своего балкона, где положил свой первый мяч на постоянную мишень и замахнулся.

Ожидаемого звука бьющегося стекла не последовало, и Николас нахмурился, обдумывая стоящую перед ним довольно монументальную задачу.

Возможно, этого было бы просто достаточно, чтобы очистить его кровь от защиты...

Глухой удар с того места, где его следующий мяч врезался в стену дома Эймса.

Нет, это не сработало бы. Для этого потребовалось бы что-то гораздо более обширное...

На этот раз он ударил по мячу сильнее, полностью промахнувшись мимо дома. Он приземлился в озеро на территории поместья дальше, о его прибытии возвестил плеск вдалеке.

Хм, ритуал чистоты мог бы стать хорошим началом...

Такой ритуал использовался некоторыми египтянами высшего класса много веков назад. Это было использовано, чтобы снять оковы рабства с бывшего хозяина купленного ими раба.

Связывая кого-то магией, кто бы мог подумать?

Николас покачал головой по поводу такой устаревшей и отвратительной практики.

Это не будет работать так, как есть, но может быть хорошим местом для начала... Возможно, я могу создать его вариацию?

АВАРИЯ!

Теплица мистера Эймса была получателем этого подарка.

Забросай дерьмом мою стену, ладно?

Николас победоносно усмехнулся про себя, готовясь к следующему броску.

Ритуал чистоты был бы хорошим началом, но будет ли этого достаточно, чтобы уничтожить магию матери мальчиков?

Этого бы не произошло.

В каком-то смысле магия была бы слишком похожа. Во всяком случае, это усилило бы защиту, и мальчик остался бы с частицей души, висящей над ним. Нет, так просто не пойдет.

Следующий из его выстрелов безвредно отскочил от газона его соседа.

Надеюсь, этот ублюдок сломает себе шею по дороге в свое маленькое любовное гнездышко...

Он выровнял следующий, задумчиво остановившись и опираясь на свою клюшку, когда он выровнял свой удар.

Это должен быть ритуал чистоты, но такой, который будет достаточно сильным, чтобы заменить защиту матери мальчиков. Новая магия не распознает частицу души как угрозу и позволит ей слиться с его собственной. Но как?

Николас продолжал свои размышления; его мяч был заброшен, поскольку его разум наводнялся идеей за идеей. В конце концов, это стало непреодолимым, и с рычанием он замахнулся.

Мяч поднялся не очень высоко, но последовавший за этим грохот наполнил его чувством удовлетворения.

Я надеюсь, вы ели свой ланч, когда это принесли туда...

Его цель, хотя и была вызвана разочарованием, была верной, и его мяч пролетел через окно столовой Эймса. Тем не менее, он выстроил другой, ответ, который он искал, продолжал ускользать от него.

Это могло бы сработать. Для этого потребовались бы некоторые довольно непонятные ингредиенты, но еще не все потеряно. Если мальчик пережил укус василиска, как сказал Алби, то не было никаких причин, по которым он не смог бы пережить это... был ли он там?

Еще один мяч был послан в сторону соседнего участка, и раздался еще один грохот.

Может быть, я становлюсь слишком хорош в этом?

Николас внезапно замолчал, когда слова пророчества прокрутились у него в голове.

Приближается тот, у кого есть сила победить Темного Лорда... рожденный теми, кто трижды бросал ему вызов, рожденный, когда умирает седьмой месяц... и Темный Лорд отметит его как равного себе, но он будет обладать силой, о которой Темный Лорд не знает... и один из них должен умереть от руки другого, потому что ни один из них не может жить, пока другой выживает... тот, у кого хватит сил победить Темного Лорда, родится на исходе седьмого месяца...

Он фыркнул.

За свою жизнь он слышал несколько пророчеств, большинство из которых ни к чему не приводили, и ни одно из них не было таким зловещим, как это. Однако, если это было правдой, это только укрепило его уверенность в том, что его план работает.

Если бы мальчик мог быть убит только темным Лордом, о котором говорилось в пророчестве, тогда ничто из того, что Николас сделал бы, не смогло бы убить его, хотя сначала ему нужно было бы обсудить это со своей женой.

Она всегда была гораздо более уравновешенной, когда дело касалось таких вопросов, как этот.

Конечно, не то чтобы они появлялись часто, но Николас мог быть опрометчивым человеком, о

чем свидетельствует его размещение финального мяча.

"РАДИ ВСЕГО СВЯТОГО, ФЛАМЕЛЬ! Я ПРИШЛЮ ВАМ СЧЕТ ЗА ЭТО!" - взревел Эймс от своей входной двери, где он был одет только в халат.

Что за мужчина остался в пижаме в обеденный перерыв?

Николас не знал, но это была одна из причин, по которой он не любил своего соседа.

"Извини, Эймс", - крикнул он в ответ, саркастически помахав мужчине, прежде чем повернуть руку и показать только два пальца, когда мужчина вошел в дом и захлопнул за собой дверь.

Когда его сосед был соответственно раздражен и у него возникла идея, Николас поцеловал главу своего клуба, прежде чем последовать его примеру и войти в свой собственный дом.

В конце концов, ему предстоял разговор с женой и предстояла работа.

Армандо и Альбус оставались в задумчивом молчании после ухода Фламеля, оба погруженные в свои мысли. Гарри быстро откланялся, взволнованный, но нервничающий из-за перспективы излечиться от своей болезни.

"Крестраж", - наконец вздохнул Дамблдор. "Я бы даже не подумал, что такое возможно".

"А разве этого не должно быть?" - спросил Армандо.

Альбус покачал головой.

"Нет, хотя теоретически это возможно, если поразмыслить, хотя мысль о таком сильно нервирует. Это не то, что было бы сделано намеренно. Представьте, что вы доверяете своему врагу самое ценное, что у вас есть. Ты бы сделал это?"

"Ты имеешь в виду часть моей души?"

Альбус кивнул.

"Есть причина, по которой душа так почитается во многих культурах, как магических, так и маггловских", - ответил он. "Говорят, что душа - это то, что отправляется в загробную жизнь, стали бы вы рисковать своим местом в вашем следующем великом приключении на такой хрупкой и уязвимой вещи?"

"Нет", - немедленно ответил Армандо. "Я бы не стал калечить своих собственных и уж точно не из-за какого-либо подлого поступка".

"Есть те, у кого есть, и другие, которые еще будут", - вздохнул Дамблдор. "Не все люди столь высокого морального мнения о вас, директор".

"Я называю это обычной порядочностью".

Дамблдор улыбнулся.

"Возможно, дело не в том, что мы лучшие люди, а в том, что мы просто никогда бы не прибегли к таким мерам".

"Возможно", - согласился Армандо. "Похоже, ты много знаешь об этом", - многозначительно добавил он.

Альбус согласился с замечанием кивком.

"В юности я стремился к чему-то такому же, чего достиг Николас, хотя и с гораздо меньшим успехом, чтобы показать свои усилия. Я, конечно, потратил много часов, расспрашивая его о его работе, и, как я ни старался, он не выдал своих секретов. Глупое усилие с моей стороны."

Армандо усмехнулся.

"Ты действительно думал, что он скажет тебе?"

"Нет, - вздохнул Дамблдор, - но я думал, что смогу получить достаточно информации, чтобы разобраться в этом самом. Увы, я не смог, и за это я благодарен. У меня нет желания жить дальше тех лет, которые были мне дарованы. Движение дальше - это часть жизни, и не та, которой следует избегать, когда наступает подходящий момент".

Армандо одобрительно кивнул.

"Ты мудрый человек, Альбус".

Дамблдор покачал головой.

"Мудрость, которой я обладаю, проистекает из ошибок, которые я совершил. Впереди их будет еще больше, но я могу только надеяться, что они не окажутся столь пагубными, как другие".

Армандо вопросительно посмотрел на молодого человека, но больше ничего не сказал.

"Как вы думаете, каковы шансы Гарри?" - настаивал директор.

Он беспокоился за мальчика и не хотел, чтобы из-за усилий Фламея с ним случилось что-то плохое.

"Я думаю, вы обнаружите, что с ним все будет хорошо", - уверенно сказал Альбус, ободряюще улыбаясь. "Николас не стал бы действовать, если бы не был уверен в этом".

"Тогда я надеюсь, что шесть столетий жизни научили его достаточно", - пробормотал Армандо. "Я не хочу, чтобы мальчику причинили вред".

<http://tl.rulate.ru/book/76052/2697371>